

Из современной австралийской поэзии

п. о.

Шекспир в Государственной библиотеке

Лавина, на Аляске (в 1958-м) вызвала приливную волну высотой 1740 футов. Фотографии Дианы Арбус ставят под вопрос все представления о так называемой «частной жизни». Успокойся – хватит болтать! Иссиня-черные омары краснеют при варке... Постепенно становилось ясно, что именно я должен быть тем, кто как-то выведет, вытянет, вытащит, выволочет нашу семью из бедности, став врачом или юристом или чем-то ещё подобным, и что семья (включая моих сестёр) «с готовностью» пожертвует всем «ради Меня», что я для них что-то вроде Великой Белой Мечты. Мой, Моя, Моё... Шекспир использует местоимение «мой» 12964 раза, например «ты жизнь мою найдёшь среди этих строк»¹. Меня все это бесило. Я понятия не имел, что мне делать, но понимал, что главное – образование. Фобия — это невротическое расстройство. Я сказал, что не могу учиться в задней комнате магазина и мне надо ездить в центр города, в главную библиотеку штата Виктории. Мне разрешили, но с условием не «творить бесплодые вместо урожая», то есть только когда покупателей было немного. Я настаивал. Никаких разговоров! Надежда — это чувство, что приближается что-то хорошее. Но что? Как-то, поднимаясь по мраморным ступенькам библиотеки, я встретил Барри Джонса (из Pick-a-Vox²). Это был удачный день. Как я хотел, чтобы у меня тоже появились такие манеры, такой размах. Он был красивый парень и совсем не глуп, и я был в каком-то смысле похож на него, потому что мы оба сидели теперь в одном здании. «Но в чём же я могу опередить тебя?» Однажды мой отец (слегка выпив) подошёл ко мне, схватил за рубашку и, глядя мне прямо в лицо, сказал: «Когда я умру, ты ничего от меня не получишь! Ничего!» (Он ошибался, мне пришлось оплатить его похороны и долг казино, где-то лет через тридцать.) На карманные деньги я купил книгу шекспировских сонетов в книжном магазине Коллинз. «О, изменись! И изменюсь я тоже» — я был вне себя от восторга — я был влюблён в Гениальность и знал, что Шекспир — гений. «О, как мне страшно о тебе писать!» — именно так

и должен говорить поэт. Я тонул в сонетах,
 пытался понять, что значит каждое слово, или переделывал их по-своему,
 скажем, «что свежести былой урина» вместо «руина»
 («истерзанный мне так же дорог он,
 сласть любит сласть, со счастьем счастье схоже!»)
 И «о если б ты себе принадлежал» – эта строка
 меня особенно трогала. Одновременно
 я продолжал учиться и даже успевал что-то запомнить, но в целом
 «я не по звездам гороскоп веду, имея астрологию иную».
 К тому же, несмотря на всю философию, сонеты были всё-таки о любви.
 «Не покидает эта мысль меня, изрыв чело, как ниву плуг нещадный».
 Как-то за ужином отец спросил меня, что я читаю.
 Я не знал, что ответить. Не мог же я прочесть ему,
 что «движимый почтительной любовью,
 к тебе посольство письменное шлю», по-гречески. Или мой то,
 мой сё, мой ты, мой долг, «я нахожу простое оправданье,
 когда домой он вовсе не спешит» (что-то в этом роде). Я не верил,
 что, подобно отцу самого Шекспира, мой родитель покажет,
 «как радуется немощный отец, увидя сына юного успеха».
 Я сказал ему, что это книга одного английского писателя
 (было ясно, что он ничего не хочет знать о Шекспире),
 (его кроме игры вообще мало что интересовало),
 и что герой там влюбился в одну девицу и за двадцать страниц
 успел только поцеловать ей руку.
 Отец посмотрел на меня сквозь очки и сказал: «О,
 а ведь мы-то так далеко ещё не заходили,
 правда?»

Белла Ли

jeudi: les rêves (из цикла “Лаперуз, или неделя исчезновений”)

*

Сегодня подняли паруса, не давая больше небу слиться с морем. Я сам себе капитан, сам себе корабль. И мы
 теперь на море, на море целый день. Острые вершины отделены друг от друга, три, потом две, потом снова три.
 Наш рулевой, широкоплечий и влюблённый, говорит: сюда, а не туда. Вот сюда, а не туда.

Ты пересекаешь течение. Ты в пути.

*

Собирать дом из леса – изгиб фронтона здесь, конек крыши там. Веранды прозрачные, как свет, такими они
 бывают или были. Тяжёлые зеркала, ощущаешь их вес, цвет, их трещины. Пробираешь нагрузку, ищешь решение.
 Как будто задержался в дверях, совсем ненадолго.

Тыходишь в комнату. Тыостанавливаешься.

*

Апотом ветер запел и затих, и мы сдались вместе с ним. Но только мягко, чтобы приоткрылись случайные проёмы в тумане. Холодные сквозняки утра – проснуться, но не вставать. Холод крадётся из глубины ночи, когда ветер. Когда он упал. Платит нам солью, платит секундами сна.

Тебе возвращают долги. Ты в пути.

*

Днём знаков вокруг становится больше. Их число нарастает вместе с чувством вины. В полях жуткий шторм, всё разорено и разбросано. Как письма в руках, когда их много и становится всё больше, непредсказуемо. Счастье мое, как ясен здесь горизонт! Любовь моя, как мало времени! С каждым вдохом вспоминаешь: движение звёзд, запах сосновой хвои.

Ты разрываешь договор. Ты в пути.

*

Перемещение красного поперёк равнин, у подножий холмов. Контуры человека среди облачной стружки, несколько фигур уже возникло и будут ещё другие. Свет на реке и деревьях, которые безмолвно впадают друг в друга. Вместе мы держимся. Мы молчим под дождём осенней листвы, наши дороги ещё не расходятся.

Ты не отвечаешь. Ты в пути.

Kum Kelen

Pleasant Island³

Я прибыл на лодке	ты приплыл в лодке
(простое прошедшее)	
очень давно	мы правили морями ⁴

это не наш остров

приплыли на в лодке – *на* и *в*, свалились кому-то *на* голову
(все меняется в зависимости от предлогов)

здесь уже кто-то был?

Ванджина⁵ – их рисовали множество раз
(небо на потолке пещеры, чтобы вызывать дождь)

я прибыл на лодке ты прибыл в лодке
 в сказке встретились пудинг и биллабонг¹⁴
 здесь мы сошли на берег

всё копаем... копаем... а, вот ты где! равнина Китая, старая фарфоровая тарелка
 (во втором лице)
 за день пропотеешь на год
 рано или поздно мы что-то найдём

я думал, здесь будут горы –
 одни карьеры и ямы

это не наш остров

чужая земля под травой пастбищ пора пастись

бесконечная синева и всё зеленеет

что-то движется в зеркале словно в стекле
 небо наоборот – угадай его форму
 посмотри прямо в сердце – оно расскажет о будущем

я прибыл на лодке ты прибыл в лодке
 так кончается ночь

прошлое скоро пройдёт, но сегодня
 лодки терпят крушение, их опрокидывают волны
 нас спасут? всем наплевать, что с нами будет
 просто плывёшь к берегу, гребёшь изо всех сил

(несовершенный вид)
 Потом мы стоим на прибрежном песке
 но и здесь что-то преследует нас, что-то чёрное, нас ищут

можно ли нам здесь остаться?
 хорошо, что мы уцелели?

это не наш остров

и пусть будет так, что мы вместе стоим на прибрежном песке
 и пусть загорится яркий и новый рассвет

как встретим мы тех, кто приплывёт после нас?

Австралийские поэты о поэзии и об Австралии.

Кит Келен и Дэн Дисней

...История Австралии, ее «освоения», полна примеров людей, которыми вы не хотели бы быть. Например вы не хотели бы, чтобы вас застрелили или отравили за то, что вы абориген, не хотели бы, чтобы вас били плетью и сослали за тридевять земель, потому что вы не родились в высшем классе. А в двадцатом веке, если говорить о последствиях такого нежелательного прошлого, вы бы не хотели, чтобы вас заставляли братья за оружие или за кнут, строить и защищать империю для себя или кого-то еще, наживаться на чужом страдании и бедствиях других, кто бы они ни были. Мы естественно узнаем в нашем колониальном прошлом ужасы, характерные для этого периода мировой истории. Массовые убийства, расистские погромы, политика «Австралии для белых», участие в войнах... Австралия – мигрантская страна, ее история может быть прочитана как этическое противостояние космополитической культуры и глобальной ответственности с одной стороны, и, с другой, желания быть оставленными в покое, потому что или «у нас все и так хорошо» или «у нас своих проблем хватает». Несмотря на это, еще совсем недавно наше общество проявляло большую щедрость и гостеприимство, и было такое чувство, что социальной справедливости вокруг становится больше, и это превращало нас в нечто более значительное, чем просто окраина бывшей империи, превращало нас в развитое социальное сообщество, потому что мы были способны помочь тем, кто в этом нуждается.

В каком-то смысле «Волсинг Матильда»¹⁵, де-факто гимн колонизованной Австралии и единственный гимн в мире, написанный от лица бродяги, выражает неоднозначные чувства, которые мы испытываем по отношению к страданиям неизвестных и не названных других. Когда мы, современные австралийцы, поем эту песню, чтобы репрезентировать себя в более непосредственной и сердечной манере, чем позволяют наши официальные гимны, мы рассказываем в песне историю бомжа – его последних минут, того, что произошло при невыясненных обстоятельствах, прежде, чем этот безымянный бродяга вошел в национальную мифологию. Правда ли, что он сам захотел утопиться в этом озерце? Правда ли, что полицейские только стояли вокруг и смотрели? Есть разные версии, мы не знаем, что там случилось на самом деле, однако вспоминаем эту историю, когда хотим заявить о себе как об австралийцах.

«Волсинг Матильда» – интересный прецедент, потому что то, что происходит сейчас в современной Австралии с нашим отношением к беженцам – такое же критическое место, исторический момент, на глазах становящийся мифом национального сознания. Мы те, кто стоит и смотрит на трагедию или говорит о ней, и мы те, кто стремится держать беженцев как можно дальше, словно это коричневая змея, касаться которой стоит только как можно более длинной палкой.

В австралийских медиа не прекращается истерия – то по поводу террористов, то по поводу беженцев, то из-за атаки акул на западном побережье. При этом общий моральный знаменатель общества сводится к самому низкому из возможных. Нравственная деградация нормализуется и культивируется, особенно журналистами онлайн-медиа корпорации Мердока и хитроумными ультраправыми политиками типа Джона Ховарда, и менее хитроумными типа Тони Эбботта. Они стремятся развить у нас, в том числе и на индивидуальном, персональном уровне, идеологически опасную ностальгию по временам, когда «все было нормально», по тому, чтобы «все оставалось как всегда». Эти реакционные тенденции отчетливо влияют на состояние умов...

П. О.

В. Какие поэты повлияли на Вас в начале Вашего творчества?

О. Влияний было так много... Я просто пропитался ими. Достиг точки насыщения.

В. И какие поэты Вам особенно нравились?

О. И их тоже было очень много. Я достиг точки насыщения и в этом тоже. Мне нравится бешеное количество поэтов. Мой вкус в поэзии и правда очень широк. Я усвоил огромную кучу текстов, потому что я обожаю разбираться в том, что и как люди пишут. Я люблю драки, словесные баталии, столкновения, это и есть литература, и есть поэзия. И я люблю говорить с поэтами, потому что мне интересно, что у них в головах, как у них устроены мозги, понимаете? Но я перестал читать поэзию, когда начал писать сам, потому что не хотел, чтобы что-то примешивалось к тому, что я делаю, и где-то год я вообще никого не читал. Потом я решил посмотреть, что делают другие, но не мог толком ничего найти и для начала просто пошел и прочел все за последние лет десять, литературные приложения и тому подобное. А потом меня как бы усыновил Джеффри Игглстон, мы обходили тогдашнюю литературную сцену и он знакомил меня с поэтами. Я попал на одни удивительные чтения, кажется в Прэм Фэктори, где как раз снимали кино о поэтах того поколения и читал Гарри Хатчинсон, а Крис Мэн постоянно вмешивался и дразнил его, и сказал, что такие стихи можно читать только без штанов, и тогда Гарри Хатчинсон снял брюки и все закричали «и трусы! и трусы!» и он спустил вниз трусы и продолжал читать. Весь этот период – первая половина 80х – вошел в поэтическую антологию, которую я редактировал для издательства Penguin, и я вел колонку об истории поэзии, около 40 выпусков, это была богатая, восхитительная история, и поэзия в этой стране становилась все лучше и лучше и лучше. Моя антология должна была восполнить некий пробел, так как все предыдущие антологии были поэтически усредненными, и они претендовали на монополию в австралийской поэзии.

В. У Вас страстное отношение к поэзии...

О. Она взбивает мне мозги как миксер – все эти годы я думаю, мечтаю о поэзии, переживаю за поэзию, живу поэзией, и в моей жизни не так много чего-то еще. Я редактировал журналы, самый первый назывался «Free» и я раздавал его за бесплатно в городском саду. И в то же самое время я редактировал «Fitzrot», и позже другие журналы и антологии...

В. Что по-вашему мешает людям интересоваться поэзией и понимать ее? То, что в школе нас заставляли учить плохие стихи?

О. Виновата система образования, потому что поэзию преподают в неверном порядке. Вместо того, чтобы начать с живого и современного языка, они начинают с мертвого. Начав с Чосера и Шекспира, они добираются до Китса к тому времени, когда большинству уже пора заканчивать школу и отправляться на фабрику. Это и есть неверный порядок. Если вы начнете с современной поэзии, например о работе на фабрике или о чем-то еще, что они знают, тогда можно двигаться обратно и возможно добраться до Китса и Шелли и Байрона, то есть тогда ты идешь в историю если можешь и хочешь, и даже если они успеют добраться только до Вордсворта, все равно какое-то представление останется.

Другой аспект проблемы в том, что исторически в Австралии было мало поэзии построенной на живом разговорном языке. Это начало меняться только с 1967 года, и это было продуктивно, так как впервые возникла традиция, на которой можно было строить, если не случится ничего трагического.

В. Каковы реакции на то, что Вы делаете? Такое впечатление, что Вас либо обожают либо активно не принимают...

О. Я думаю, это правда.

В. Возмущает язык, который Вы используете?

О. Если кто-то смог прочитать два-три моих стихотворения, вопрос о языке обычно снимается. К этому моменту уже найдется что-то другое, к чему придраться. Понимаете, для начала это трудно для ушей, слишком быстро, слишком громко, вообще чересчур, но мне нравится заваливать публику поэзией, чтобы она в ней тонула. Мне не важно, чтобы понимали каждое слово, которое я говорю. Я делаю так: «Слушайте: БУММ! Краска, образ, звук, все сразу!» Это динамика чтения, она воодушевляет.

В. Ваша поэзия всегда ориентирована на перформанс?

О. Я думаю, стихи – это своего рода транскрипт, чтобы кто-нибудь, кто возьмется за них, знал, как их читать. И я хочу, чтобы они были близки моей аудитории, так или иначе. Но я ненавижу, когда из чтений делают кабаре. Я хочу говорить, хочу сказать что-то важное.

Если вас позвали в гости в чей-то дом, там может играть музыка, но если вы попытаетесь прочесть стихи, это всегда неуместно, вам говорят нет или не будь таким эгоцентриком, или что-то еще в этом роде. Я знаю в Австралии домов двадцать, куда можно прийти в гости, и люди будут рады читать или слушать стихи. Это считанные единицы, все пишущие люди, иногда они терпеть друг друга не могут, но это не имеет значения, потому что у каждого есть возможность читать и быть услышанными, и это действует вдохновляюще и может быть очень интересно. Тогда можно о чем-то говорить, понимаете?

(из интервью журналу Going Down Swinging)

Перевод с английского, составление, примечания Кирилла Щербицкого.

Огромное спасибо Татьяне Бонч-Осмоловской за ценные замечания и корректуру.

¹В стихотворении использованы цитаты из сонетов Шекспира № 74, 1, 22, 10, 80, 8, 13, 14, 2, 26, 51, 37 в переводах В.Микушевича, М.Чайковского, Д.Щедровицкого, С.Степанова, Н.Гербея, С.Маршака, Р.Бадыгова, А.Финкеля

²См. https://en.wikipedia.org/wiki/Pick_a_Box

³ «Pleasant Island» – в данном случае игра слов, так как это наименование применяется в тексте как к тихоокеанскому острову Науру, так и к самой Австралии. Географически Pleasant Island (Науру) – коралловый остров в западной части Тихого океана. Экосистема острова тяжело пострадала в результате эксплуатации его природных ресурсов – добычи фосфатов международными сырьевыми компаниями. На острове находится один из австралийских «лагерей беженцев», где в тюремных условиях и часто по несколько лет содержатся нелегальные иммигранты, попытавшиеся попасть в Австралию на лодках, перехваченных австралийской пограничной службой. Массивные нарушения прав человека в таких центрах усугубляются тем, что туда практически не допускают журналистов, а австралийские государственные служащие, там работающие, обязаны давать подписку о неразглашении информации.

⁴Аллюзия на слова песни «Правь, Британия!», написанной Томасом Арном на стихи Джеймса Томсона в 1740 году.

⁵ Ванджина – наскальные рисунки в пещерах северо-западной Австралии.

⁶ Первый Флот (англ. First Fleet) – флот из 11 парусных кораблей, отплывший из Великобритании в Австралию 13 мая 1787 года, положив начало перевозке заключенных и заселению Австралии европейцами.

⁷«Радиация» – в западной части Тихого океана неоднократно проводились испытания ядерного оружия.

⁸ Фраза-девиз на гербе государства Науру (см. выше)

⁹ Рисунок на флаге Науру

¹⁰ Первые австралийские поселенцы верили, что за Голубыми горами находится Китай. Перейти через Голубые горы долго никому не удавалось.

¹¹ Уильям Дампир (William Dampier) (1651–1715) – английский мореплаватель с пиратским прошлым. В результате судебного процесса отчислен из королевского флота за жестокость. Был первым английским капитаном, доплывшим до Австралии, где провел около двух месяцев. Дневник Дампира содержит описание австралийских аборигенов, которое с полным правом можно назвать расистским.

¹² Жан-Франсуа де Лаперуз (Jean François de Galaup, comte de La Pérouse) (1741–около 1788) – знаменитый французский мореплаватель. Погиб во время кораблекрушения у тихоокеанского острова Ваникоро. Несколько членов команды Лаперуза спаслись и до конца своей жизни около 20 лет прожили вместе с коренным населением острова.

¹³ Известное выражение, в разных вариациях применявшееся к Британской империи. Имелось в виду, что ее территория настолько обширна, что всегда над какой-то ее частью светит солнце.

¹⁴ Биллабонг – обозначение небольшого водоема в континентальной Австралии, произошло от слова bilabaŋ аборигенского языка Wiradjuri.

¹⁵ «Волсинг Матильда» – австралийская песня. «Матильдой» здесь называется большой и тяжелый узел или примитивный рюкзак, в котором бродяга носит свои пожитки. «Вальсировать с Матильдой» значит бродяжничать, не иметь определенного места жительства.